

АЛЁНА СНАТЁНKOBA

З
АСТАВЬ МЕНЯ
РАЗВЕСТИСЬ

Алёна Снатёнкова

Заставь меня развестись

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69786016
0101*

Аннотация

Свадьба, измена, развод. Как начать жить заново, когда любимый человек, который предал, не отпускает? И главное – кому верить?

– Зачем ты пришел? – неожиданно для себя срываюсь я. – Что тебе надо от меня?

– Разве я просто так не могу встретиться со своей женой?

– Чернов, ты издеваешься? Какой женой? Я с тобой развожусь. Ясно тебе? Развожусь.

Улыбка мужа одновременно раздражает и... пугает.

– Думаешь, я тебя отпущу? Seriously? Ты такая наивная, Мира. Ты моя, и это не изменится.

– Я это изменю.

– Слушай меня внимательно: развода не будет. Забудь. Выкинь из головы всю ту чушь, которую тебе наговорили, и возвращайся домой, пока не поздно.

– Не то что?

– Лучше тебе этого не знать, жenuшка.

Содержание

1.	4
2.	11
3.	18
4.	24
5.	30
6.	36
7.	42
8.	48
9.	54
10.	60
11.	65
12.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Заставь меня развестись

Автор: Алёна Снатёнкова

1.

– Мира, ты опять за свое? – верещит Ида, выхватив планшет из моих рук. – Сколько можно это читать? Тебе себя совсем не жалко? Начитаешься, а потом сутками из комнаты не выходишь.

Подруга садится напротив, изящно скрещивая ноги, и, пробежавшись цепким взглядом по моему лицу, морщится, продолжая:

– В зеркало на себя давно смотрела? Вид такой, будто тебя год в подвале держали. Seriously, что такое? Бери себя в руки, не то ты растворишься скоро.

С сомнением смотрю на свои пальцы, отмечая, что на безымянном больше нет кольца. Сердце неприятно сжимается. Почему? Я сама от него избавилась, выкинув в шахту лифта, когда с вещами уходила из квартиры Чернова. Вот чего опять вспомнила?

– Давай я тебе напомним: мне неоднократно изменили,

впереди развод, так что я имею полное право посидеть в комнате, чтобы меня никто не трогал, – говорю я, с головой укрываясь одеялом.

– Развод – не повод становиться похожей на моль. Думаешь, ты единственная, которой изменили? По твоему несчастью у тебя миллион сестер. И ничего, бабы продолжают жить. С друзьями общаются, на улицу выходят, других мужей находят.

– Я ничего не хочу.

– Кого это волнует? Хватит ныть. Месяц прошел, должно уже дойти, что Никита твой – козел, место его в аду и выть из-за него – себя не уважать.

Хочется кинуть вазу в подругу. Не потому, что я ее ненавижу, а потому, что она сейчас права. Хотя после всех слов ненавидеть ее я тоже должна. Больше всего меня напрягает фраза «месяц прошел» – по ощущениям лет десять, и это еще точно не финал.

– Он не мой.

– Точно. Не твой. Но ты почему-то все равно продолжаешь читать новости про него. Надеюсь, там было написано, что его раздавил каток.

Сердце еще раз больно сжалось. И нет, у него все хорошо. Никита Чернов жив, здоров, его ресторанный бизнес процветает, а его секретарша перекрасилась в блондинку. Об этом и писали в статье: известный предприниматель Чернов был замечен в новом ресторане рядом с неизвестной блон-

динкой. Журналисты пытались узнать, кто она и куда делась жена, но охрана вывела их из ресторана.

– Если я встану, ты от меня отстанешь?

– Возможно, – безэмоционально врет Ида, раздвигая шторы. – Встань и проверь. Или ты только жалеть себя умеешь?

Обижаться на Игнатову – глупо, не первый год дружим. Именно она первая узнала про измены Никиты. Она разбила мой телефон, чтобы я не видела сообщений, которыми меня завалила пассия Чернова, прикладывая к ним скрины их переписок. Она помогала собирать мои вещи. Ида встала на мою сторону, поддерживала как могла, а Кристина... Кристина Чернова была верна своему брату. Помимо того, что я осталась без мужа, я также лишилась и близкой подруги.

Ида уходить никуда не собиралась, поэтому мне все-таки пришлось подняться на ноги. Наверное, она и сейчас права. Сколько можно прятаться от окружающих?

Полная решимости начать новую жизнь, я выхожу в гостиную, собирая на себе все взгляды собравшихся родственников.

– Встречайте красавицу! – победно выкрикивает Ида, стоя за моей спиной. – Кто говорил, что у меня не получится? А? Кто? Олег, теперь ты мой должник.

Брат хмурится, делая вид, будто не говорил такого.

– Мирочка, я там блинчиков напекла, – тихо начинает мама. – Может, ты попробуешь? Хотя бы немного.

Натягивая на лицо улыбку, киваю ей, присаживаясь рядом

с братом.

– Мир, ты только скажи, и я этому уроду оторву голову.

– Олег! – рявкает папа. – Замолчи. Палач нашелся. Иди матери лучше помоги.

– А чего ты на меня орешь? – подскакивая с места, возмущается брат. – Что я не так сказал? Думаешь, этого козла испугаюсь? Да мне плевать на него. Гад мою сестру обидел. И сейчас он продолжает с бабами развлекаться, а она...

– Сын!

Следуя намеченному плану, я стараюсь игнорировать разъяренную речь брата. Да, больно, да, мерзко, но я уже сделала первый шаг, когда решила начать все с чистого листа. Возвращаться опять под одеяло – глупо, тупо и очень хочется.

– Все нормально, пап, – спокойно говорю я. – Я в порядке. Реветь больше не буду. Обещаю.

И я не обманываю сейчас с целью успокоить родителей. То есть я и правда перестану ныть. Если у предателя Чернова в жизни все хорошо, почему у меня должно быть все плохо? Кто так решил?

И прежде чем брат продолжит свой рассказ про беззаботную и веселую жизнь Никиты, я встаю с дивана и заявляю:

– Завтра я подам на развод. Можно сколько угодно проклинать Чернова, но его больше не будет в моей жизни. Закроем эту тему и открывать никогда не будем. Хорошо? Олег, хорошо?

Тот даже не смотрит на меня.

– Аминь, подруга! – выкрикивает Ида. – Это дело надо отпраздновать.

Празднование не входило в мои планы, но... почему бы и нет? Теперь я свободная девушка и могу делать все что захочу.

Клуб, в котором работает Ида в должности администратора, как обычно, набит народом. Шум музыки, голосов бьет по ушам, отчего я через раз слышу подругу. Я не любитель подобных выходов в свет. Крики, суета, танцы на каблуках – не мое, но сейчас я наслаждалась каждой секундой. Учеба, свадьба спустя месяц после знакомства с будущим мужем, год в роли жены и, наконец, развод – сделали свое дело. У меня появилась возможность изменить себя. Получится ли? Неделю назад я бы с уверенностью сказала «нет». Но сейчас...

– Давай селфи сделаем! – кричит Ида, осушая залпом свой шот. – Блин, батарейка сдохла.

– Давай на мой.

Рука вверх, улыбка, нажать на иконку.

Рассматриваю фотографию и случайно листаю вбок, и дергаюсь, когда вижу на экране телефона физиономию Чернова. Сглатываю, пристально смотря на картинку.

Кареглазому красавчику стоило только посмотреть в мою сторону, чтобы у меня тут же дыхание перехватило. Муже-

ственные черты лица, тяжелый взгляд, а губы... После первого поцелуя я сразу поняла, что пропала. Чернов – чертов идеал. Идеальнее просто не бывает. Уверенный в себе, немногословный, успешный... гад, лжец и предатель.

Вот кто он.

За маской красивого мужчины скрывается сам дьявол.

Если бы силой мысли можно было расчленять людей, то у Никиты бы сейчас отвалился один важный орган.

Чем я только думала, когда верила в его сказки? Точно не головой.

– Так, подруга, приготовься. В нашу сторону идет русская версия Тома Харди.

Я морщусь и отворачиваюсь. Хватит с меня красавчиков. Я уже знаю, на что они способны.

– Сама его и встречай. Я пойду пройдуся.

– Эй, ты куда? Не бросай меня одну.

– Ты не одна, – нависаю над подругой, бросая беглый взгляд в сторону приближающегося парня. – Устрой Тому экскурсию по клубу. Судя по тому, как он пялится на тебя, он мечтает о ней. А я скоро вернусь.

В ответ она фыркает и, перекинув ногу на ногу, выпрямляет спину. Парень еще не в курсе, но он уже попал.

Пока Ида, пуская слюни, знакомится со своим идеалом, я, хватая сумку с телефоном, спускаюсь вниз, а затем выхожу на улицу.

Несколько долгих секунд я смотрю на свою машину и не

могу понять, что не так. Она стоит на том же месте, где я ее припарковала. Разбитых стекол и царапин тоже нет. Все так же, как и было, но у меня все равно начинается приступ паники. Судорожно начинаю искать ключи в сумке, и только тогда до меня доходит: рядом с моей машиной стоит еще одна с до боли знакомыми номерами.

Че-е-е-ерт.

Черт.

Черт.

Чернов здесь.

Никита где-то рядом.

2.

– Ида, подъем. Мы уходим, – налетаю на подругу, не переживая из-за того, что несколько раз умудрилась наступить на ногу ее нового кавалера. – Ида, ну поднимайся же. У нас мало времени.

– Да что случилось? – ворчит девушка, убирая руку с плеча парня. – Блин. Стасик, здесь меня подожди, я скоро вернусь.

Стоило парню только услышать мелодичный, немного хрипловатый голос подруги, сомневаться не придется, он будет целую вечность ждать ее на этом самом месте с открытым ртом. У Иды всегда так. Она с легкостью очаровывает парней, не прилагая к этому никаких усилий. Стоит ей только улыбнуться, как кто-нибудь обязательно клюет на ее улыбку и падает в ноги, вымаливая номер телефона. Подруга не жалуется на жизнь, у нее все легко и просто. Захотела – получила. Назревает проблема? Иду она точно обойдет стороной.

– Ну, что такое? Хорошо же сидели, чего тебе домой захотелось?

Возможно, кто-то и сидел хорошо, но я к числу этих людей точно не относилась. По крайней мере в данный момент.

– Никита здесь. Я видела его машину на парковке.

Судя по пытливому взгляду подруги, на слово она мне верить не собирается. Наверное, решила, что я специально от-

ходила от нее, чтобы придумать повод уехать домой. Думает, что мне для этого нужен повод? Неужели я и правда выгляжу настолько жалкой?

– Это не ты видела, а текила в твоей крови. Мирусик, я понимаю, что у тебя сейчас стресс и нервы, но ты сама подумай, что Чернову делать в нашем клубе? Вспомни, с каким трудом у тебя пару раз получилось его сюда затянуть. Думаешь, без тебя он сюда прибежит на танцполе булками потрясти? Ты хоть иногда голову включай, дорогая. Не то скоро и с Наполеоном встретишься. Будет он тебе рассказывать, как собирался...

– Я не выжила из ума. Уж поверь, номер машины Чернова я точно ни с каким другим спутать не смогу. Его единички.

– Да ты знаешь, сколько таких единичек по городу разъезжает? – канючит она, поглядывая на наш столик. – Ну, серьезно. За столько времени первый раз выбрались с тобой. Чего ты все обламываешь? Не позволяй своему страху манипулировать тобой.

– Я уезжаю, – твердо заявляю, чтобы она понимала, что отговаривать меня смысла нет. – Если хочешь, чтобы я тебя до дома подкинула, то бери сумку и прощайся с новым другом.

– Ты реально сваливаешь? Вот как после этого тебя из депрессии вытаскивать, если ты сама не хочешь выходить из этого состояния? – Ида качает головой, закатывая глаза. – Обидишься на меня, если я останусь? Первый выходной за

несколько недель работы. Я не хочу домой. Там скучно и нет накачанного мужского тела. А еще никто не угостит Лонг-Айлендом. Тебя, кстати, тоже. Блинами накормят, и все. Понимаешь, от чего ты отказываешься?

– Не обижусь, – бурчу в ответ, игнорируя ее остальную речь. – И с Томом Харди поосторожнее. Вид у него такой, будто он тебя съесть собрался.

– Вообще-то, я очень на это надеюсь, – подмигивает она и, качая бедрами, возвращается к столу.

Игнатова уже и забыла о моем существовании, воркуя со своим голодным аборигеном, а я все так же продолжала стоять на месте, оглядываясь по сторонам. Это какое-то сумасшествие. Я не буду искать взглядом Никиту. Мысленно зарядив себе несколько оплеух, начинаю спускаться по лестнице, морщась, когда кто-то из веселящихся локтем задевает меня. Такие места точно не для Чернова. Он любитель комфорта и уединения. Несколько раз ради меня он и наведывался в клуб, но обычно мы долго не засиживались. Впрочем, в этом мы с ним похожи.

Хотя нет, мы очень разные.

В отличие от Чернова, я никогда не предам.

Когда наконец-то выхожу на улицу в надежде как можно быстрее покинуть это место, замираю, не увидев на парковке свою машину. Сделав несколько шагов и оглядев территорию со всех сторон, уже собираюсь начать паниковать, когда

слышу за спиной знакомый голос.

– Что-то потеряла? – Голос Никиты тверд и спокоен, и мне даже необязательно смотреть на его лицо, чтобы убедиться, каким изучающим взглядом он смотрит на меня. – Неужели даже не поздороваяешься со мной?

Мне не дают и шанса осмыслить всю ситуацию и решить, что делать. Меня просто разворачивают, не оставляя никакого выбора, кроме как смотреть в его глаза.

Раньше я бы улыбнулась и, протянув руку, дотронулась бы до его щетины. Даже не делая всего этого, а просто вспомнив, чувствую, что кончики пальцев все равно немеют.

Происходящее – не кошмарный сон. Это кошмарная реальность. А мне теперь в ней жить.

Зато можно сделать вывод, что я не сумасшедшая, как на это намекала Ида.

– Куда ты дел мою машину?

Тщательно разглядев меня, Чернов показывает рукой в сторону:

– На заправку отправил. У тебя бензин заканчивался.

От его спокойного, беззаботного голоса – у меня скрипели зубы. Действовали на нервы и его руки, которые он засунул в карманы джинсов. Никита вел себя так, словно между нами ничего не произошло. Будто мы просто встретились после его длинной командировки, а я не рада этому событию.

Он не имеет права так себя вести.

– Кто тебя просил? Верни ее. Сейчас же.

– С каких пор мне нужно просить у кого-то разрешения, чтобы заботиться о собственной жене? Бак был почти пустой. Я не хочу, чтобы машина заглохла где-то на оживленной трассе.

А я не хочу, чтобы он смотрел на меня. Еще больше я не хочу с ним разговаривать.

– Никита, пожалуйста, верни машину, и мы разойдемся. Я устала и хочу поехать домой.

– Не проблема. Поедем домой вместе.

В какой-то момент мне и самой кажется, что мы вернулись в прошлое. Он так же забирал меня из университета, и мы вместе возвращались домой. Кристина тогда смеялась, что я сделала из ее брата шофера. Но я жила в сказке. Не догадывалась, кто скрывается за маской благородного принца.

– Чернов, что ты здесь делаешь? – устало спрашиваю я. – Как ты вообще узнал, что я здесь?

– Мимо проезжал. Такой ответ тебя устроит?

– Нет! – срываюсь на крик и тут же беру себя в руки.

– Другого ответа у меня нет.

Я произвольно морщусь. Ну да, Чернов остается Черновым. Мало говорит и делает то, что хочет. За это его уважают все, кроме меня.

– Ты следишь за мной?

– Хочу поговорить.

– Уже разговаривали.

– Когда? – стальным голосом переспрашивает он. – В наш

последний разговор ты рассказывала, что приготовишь на ужин. Когда я через несколько часов вернулся домой, тебя и твоих вещей в квартире уже не было. А-а-а, потом был разговор с твоими родственниками. Ты про него? Мира, хватит уже бегать от меня. Проблема не исчезнет, если ты так и будешь прятаться.

Проблема? Измену он называет проблемой? Еще бы пу-
стяком назвал, на который не стоит обращать внимания.

Вспышка фар ослепляет. На секунду закрываю глаза, а ко-
гда открываю, моя машина тормозит рядом с нами и из нее
выходит молодой парень.

– Сделал все, как вы и просили. Там масло еще залили и
тормоза проверили. Тачка теперь как новенькая.

– Отлично, – Никита одобрительно кивает и, вытаскивая
бумажник из заднего кармана, протягивает парню несколько
купюр.

Смотрю на его руки, и выть хочется. Кого он еще ими об-
нимал? Кого трогал? К кому прикасался?

К счастью, до меня вовремя доходит, что дверь машины
открыта и у меня есть шанс на побег. Трусливый, но побег.
В моем случае все средства хороши.

Проскочив между мужчинами, сажусь в машину, блоки-
руя все двери изнутри. Стук в окно мешает мне выдохнуть.
Немного подумав, я все-таки опускаю его:

– Я не бегаю от тебя, Чернов. Не думай так. Я просто не
хочу больше никогда тебя видеть.

Не дожидаясь ответа, жму на газ, и машина срывается с места.

Уже завтра я подам документы на развод – и Мирослава Чернова перестанет существовать.

3.

Неожиданный приезд Иды утром хоть поначалу и удивил меня, но в то же время сильно обрадовал. Судя по внешнему виду подруги, она все-таки попала ночью домой и успела переодеться. Смотря на ее идеально ровный макияж и отмечая хорошее настроение, и не скажешь, что она всю ночь проторчала в клубе. Я, в свою очередь, выглядела так, будто была ребенком двухсотлетних вампиров-вегетарианцев.

– Паспорт не забудь, а то зря прокатаемся, – с набитым ртом, поедая все те же блинчики, кричит подруга мне вслед.

Поддержать меня в ЗАГСе она вызвалась сама. Конечно, я не стала отказываться. После вчерашней встречи с Никитой мне, как никогда, требовалось чувствовать рядом с собой надежное плечо. Да и, в конце концов, она была права: мне не стоит закрываться в себе и отдаляться от близких. Общение необходимо, чтобы не утонуть в болоте депрессии.

Всю дорогу я пытаюсь держать себя в руках. Руки потеют, озноб по всему телу, а дальше все как в тумане: отказ в подаче заявления и совет приходиться либо с мужем, либо одной идти в суд. Первый вариант отпал сразу. Для того чтобы притащить Чернова сюда, мне нужно было ему позвонить, а этого мне делать совсем не хотелось.

– Да не расстраивайся ты так, – утешала меня подруга, листая страницы в своем телефоне. – К счастью, детей у вас нет,

уже проще. Чернов хоть и козлиная, но все равно не жадный. Имуществом поделится. Вас быстро разведут. Опомнитесь, не успеешь, как снова станешь Лариной.

– Не нужно мне его имущество, – бурчу себе под нос, лбом падая на руль. – Ничего от него не хочу. Только развод, и все.

Квартира у меня есть. Родители подарили за несколько дней до моей свадьбы с Черновым. Работу найду. Машина... Ну, раньше же я как-то обходилась без нее. Почему сейчас не смогу? Смогу. А подарки мужа, с которым я развестись хочу, мне не нужны.

– Мира, не тупи. Я, конечно, все понимаю: обида, гордость, но головой тоже думать надо. Скажу по секрету, тяжело жить с голой задницей. А у вас к тому же брачного контракта не было. Ты имеешь полное право на половину из того, что у него есть.

А вот эту черту характера подружки я не люблю. И Ида об этом знает, но все равно продолжает давить.

– До конца жизни можно не работать, – мечтательно выдыхает она. – Жить в свое удовольствие. Тусить на лучших курортах, ходить только в брендовые магазины, нанять парочку массажистов. Ты подумай. Хорошенько подумай, от чего отказаться собираешься.

– Мне чужого не надо.

– Чернова, твоя правильность тебя погубит. Запомни мои слова.

– Ну и пусть, – киваю головой. – И ты же знаешь, что мне

было все равно на деньги Никиты.

– Знать – не значит понимать, подруга, – обрывает она меня, а спустя секунду уже другим тоном продолжает: – Ты хоть машину себе оставь. Как мы без твоих колес будем любовь свою искать?

– У меня уже была любовь. Хватит. Больше искать не буду.

Ида закатывает глаза и громко вздыхает:

– Кто тебе сказал, что первая любовь обязательно должна быть единственной? Это глупость. Встретишь ты еще нормального мужика. Не захочешь богатого, встретишь бедного, если тебе без разницы, кого любить. Главное – взять себя в руки и идти дальше с гордо поднятой головой. Именно ты ничего плохого не сделала, он – козел.

Только вот такого уже не встречу. Чернов – единственный экземпляр. Кто бы мог подумать, что у нас вот так все закончится? Ведь была любовь с первого взгляда. Не только у меня, у него тоже. Я видела, чувствовала. Со мной он был другим. Нежным, добрым, ласковым. Даже его мама замечала, что сын менялся в лице, стоило кому-то только произнести мое имя. Да и Кристина не узнавала брата. Подшучивала над ним, а себя Купидоном на шпильках называла. И я была счастливой. В облаках парила, отказываясь смотреть на реальность. Спустя несколько месяцев после свадьбы начались частые командировки. Иногда я летала вместе с ним Никитой, но чаще всего оставалась дома. Он задерживался на ра-

боте, а я опять одна в квартире. Сейчас уже поздно корить себя за розовые очки, но я почему-то продолжаю это делать.

– Ничего не сделала, но все равно страдаю. Я дура, да?

– Я тебя сейчас ударю за такие слова! – рявкает подруга, подпрыгивая на сиденье. – Даже не думай так. Никто бы не догадался, что Чернов на такое способен. Если честно, я не сразу поверила, когда ты позвонила и рассказала. У тебя же всегда с юмором проблемы были. Вот и решила, что это твоя самая неудачная шутка. А потом... Так, если мы продолжим этот разговор, то ничем хорошим это не закончится. Я, между прочим, целый час убила на эти стрелки. Не порть мне их. Чем планируешь заняться?

– Не знаю, – шмыгаю носом, кажется, я и правда реветь собиралась. – Надо же какие-то документы собрать. Потом хочу в свою квартиру переехать. Работу найти.

Проживание с родителями имеет, конечно, кучу плюсов, но минусы тоже имеются. Главный из них: взгляд мамы. Она так сильно за меня переживает, что все ее эмоции передаются мне. Страдаю не только я, но и она. Возможно, маме даже больнее. Ведь помочь она не может, и приходится только смотреть со стороны.

– Отличные планы, подруга, – салютует мне Ида. – Кажется, я даже могу помочь с работой. Помнишь Вику Дубову? Она же в детском саду работает, и недавно жаловалась, что другая воспитательница уволилась и ей теперь приходится жить на работе. Могу ей позвонить и уточнить.

До знакомства с Никитой я подрабатывала в детском саду. Потом свадьба, медовый месяц, опомниться не успела, как уже писала заявление на увольнение и, довольная, бежала домой с мыслями, что теперь главная моя забота – семья, мой муж.

Нет, все-таки я дура.

– Блин.

– Что? Передумала? – вопросительно поднимает брови Ида, отвлекаясь от телефона.

– У меня с собой только паспорт и права. Все документы, в том числе и трудовая, остались в той квартире.

– Ну ты даешь. При разводе, как и при пожаре, надо в первую очередь хвататься за документы, – хмыкает она. – Так, а у тебя ключи с собой?

Киваю, точно зная, что они все еще лежат в сумке.

– Отлично. Чернов же фанат своей работы, уже точно должен быть в офисе. Пока я на стреме постою, ты поднимешься и все заберешь.

Даже от мыслей вернуться туда становится холодно.

– А если он дома будет?

– Мира, не тупи. Сначала мы убедимся, что его машины нет на месте. Только потом ты пойдешь.

Я морщусь. Что-то не нравится мне эта затея.

4.

– Ида, я очень тебя прошу, смотри во все стороны. Следи за каждой машиной, которая заезжает в комплекс. Чернов может и не на своей приехать. Несколько раз он оставлял машину на какой-то парковке и возвращался на служебной.

Ида уже и не пытается скрыть своего раздражения. За те минуты, что мы колесим вокруг дома, высматривая автомобиль Никиты, я успела потрепать не только свои нервы, но и нервы подруги. Еще раз украдкой смотрю на парковочное место Чернова – пусто. Обычно он не появляется дома в обеденное время, но бывали исключения. Поправляю юбку, надеваю очки и смотрю в зеркало, не совсем понимая, к чему эта конспирация. Если кто-то из знакомых меня увидит, они меня все равно узнают. Огромные очки не помогут. И тогда... Опять паникую. Никита не из тех людей, кто общается с соседями. Ему никто не позвонит, даже если я стану выносить мебель из квартиры. Для них я хозяйка, жена, точно не вор.

Если мыслить здраво, подняться в квартиру проще, чем восстанавливать документы, которые мне необходимы. Они мне не только для работы нужны. В суд тоже надо идти не с одним паспортом.

И к тому же я не грабитель. Я возвращаю свое.

– Ой, да что ты так паникуешь, будто мы национальный

банк грабить собрались? Успокойся. Между прочим, ты прописана в этой квартире. Помимо документов, можешь на выходе сувенир какой-нибудь прихватить.

– Тостер, который ты на свадьбу дарила, подойдет?

Ида округляет глаза и ухмыляется:

– Не-е-е, не стоит. Я его по акции брала, в сезон скидок, а потом долго переживала, что он спалит вашу прекрасную квартирку. Ой, теперь можно не переживать. Поделом будет гаду.

Если бы я точно знала, что Никита решит воспользоваться подарком Игнатовой, то сейчас и правда забрала бы его. Просто потому, что зла я ему не желаю. Но Чернов и кухня – две несовместимые вещи. На завтрак он предпочтет кофе, а не тост с маслом.

– Все, иди, – толкает меня в плечо подруга. – Зашла, забрала, из вредности разбила пару ваз и по осколкам вышла. И если ты захочешь что-нибудь из вещей захватить, не забудь про тот брючный костюм с топом. Он тебе очень идет, а мне смотрится еще лучше.

Я уже давно перестала удивляться поведению Иды. Она такая, какая есть. Не строит из себя кого-то, действует на эмоциях. Но костюм она все равно не получит.

Идти по знакомой дорожке – по крайней мере странно. Я не думала, что когда-нибудь еще раз окажусь здесь. Идеально подстриженный газон, детская площадка. Несколько раз я представляла, как мы с Никитой будем сидеть на скамей-

ке, смотря на то, как наш ребенок играет в песочнице. Мы думали о детях. Или я думала, а Чернов просто поддакивал. Не знаю.

И опять образ Никиты в голове. Тот самый. Образ идеального мужа, а не человека, чью переписку с другой женщиной мне присылали с неизвестного номера. И рассказы про один совместный номер в гостинице открывали глаза на то, что командировки были липовыми.

– Добрый день, – здороваюсь с мужчиной на входе и быстрым шагом иду к лифту.

Ну почему я так нервничаю?

Открывая дверь своим ключом, я и правда чувствовала себя грабителем. Как только зашла в квартиру, в нос сразу же ударил парфюм Никиты. Такой родной и в то же время – отталкивающий. Оглядываюсь, понимая, что ничего не изменилось. Все так же стоит на своих местах. Даже моя зарядка от телефона лежит на прежнем месте рядом с диваном. Единственное, что сразу бросилось в глаза, – пустая ваза в гостиной. При мне она всегда была с цветами.

Передвигаясь по квартире, я шла так тихо, насколько это было возможным. Поворот, еще один, две двери: кабинет и наша спальня. На последнюю дверь я стараюсь даже не смотреть, сразу же открываю другую и двигаюсь к столу, где в верхнем ящике лежит папка со всеми документами.

Наверное, надо будет сообщить как-то Никите, что это я

забрала их. Может, через Кристину или написать сообщение Регине Борисовне, маме Никиты, которая в первые дни после случившегося пыталась до меня дозвониться, а потом резко перестала. Точно. Так и сделаю, как только выйду отсюда.

Телефон в сумке начинает вибрировать, и я от неожиданности дергаюсь.

– Мирусь, все чисто, но мне пришлось машину отогнать чуть назад. Ты кого-то подперла, мужик возмущаться начал.

– Хорошо. Я все взяла, сейчас буду выходить.

Но вместо того, чтобы идти на выход, я захожу в ванную, умываясь холодной водой, чтобы успокоить нервы. Ужас, но у меня руки дрожали, и я понятия не имела, как с тошнотой справиться. Сколько я потратила времени на то, чтобы привести себя в чувство, неизвестно. Очнулась только тогда, когда услышала шаги в коридоре. Решив, что это Иде надоело скучать в машине, выскакиваю навстречу:

– Мы же договаривались, что ты в машине ждать будешь. Блин, если Никита вернется и увидит нас здесь, то нам придется...

Нет.

Нет.

Нет.

Это все нереально. Обман зрения. Я убью Игнатову.

Но, судя по тому, как Никита удивленно смотрел на меня, Иду он не видел.

– Значит, Игнатова сейчас дежурит на улице, – спокойно говорит Чернов, бросая на низкий столик ключи. – Ты пришла.

– Что... Что ты здесь делаешь в такое время? – выдавливаю из себя, делая шаг назад.

– Кристина на выходных заезжала и забыла здесь свою сумку. Просила привезти. А ты?

В это легко поверить. Кристина вечно что-то забывает.

– А я уже ухожу. Извини, что побеспокоила.

Идти, бежать, срываться с места и выпрыгивать в окно. Вот о чем я думала, когда пыталась двигать ногами. Они не слушались. Все тело перестало меня слушаться.

Кровь прилила к лицу, когда Никита собой загородил дверной проем, мешая выйти.

Я не должна так реагировать на него.

– Никит, дай мне пройти, пожалуйста.

Чернов лишь качает головой.

– Не хочу. Не могу.

Он протягивает ко мне руку и тут же одергивает себя, сжимая челюсть. Чего он добивается? Разве не понимает, что мне и так сложно находиться рядом с ним? Ком в горле мешает дышать. Паники нет, но я и не могу сказать, что я сейчас спокойна. Нет. Совсем нет.

– На улице меня ждет Ида, – сказала так, будто это что-то изменит.

– Она подождет. Что у тебя в руках? – щурится, подходя

ближе. – Мира?

– Забрала трудовую книжку. С этим же нет проблем? Она все-таки моя.

Шум в голове усиливается.

– Зачем она тебе? Мира, тебе не надо работать, чтобы доказать мне, что...

Я не знаю, о чем Никита говорил и что имел в виду, но мне до зубовного скрежета захотелось его перебить:

– Ох, трудовая мне очень нужна. – Без понятия, откуда во мне столько уверенности на сарказм, но Чернов заслужил. – Хочу в какой-нибудь офис секретаршей устроиться. Насколько я знаю, нескудная работа. Частые командировки, новые города, лучшие отели. А если босс молодой попадет-ся, то...

– Хватит!

Переборщила, что ли? Мне так не показалось.

5.

– Ты сам спросил, – непринужденно пожимаю плечами, отмечая, как Никита напрягся. – Теперь пропустишь? Ида и правда ждет меня на улице.

Взгляд Чернова снова падает на мои руки.

– Останься здесь. Зачем тебе жить с родителями, имея мужа и свою квартиру?

Он не имеет права просить меня остаться. У него вообще нет никаких прав. Хочется топнуть ногой и сказать, что мужа у меня больше нет.

– А я и не останусь у родителей, – зачем-то отвечаю ему. – Перееду в свою квартиру.

– Что? – спрашивает он. Не смотрю на его руки, но точно знаю, что пальцы сжались в кулак. – Там живет твой брат.

– Придется нам потесниться.

Видимо, действие адреналина в моей крови заканчивалось, и мне становилось неудобно стоять напротив Никиты в комнате, где кроме нас никого не было.

– Мира, хватит дурить. Эта квартира – твоя. Она наша. И ты должна жить здесь со мной, а не вместе с...

– Дуришь себя ты, Никита, – спокойно отвечаю ему. – И я тебе больше ничего не должна. Командуй своими секретаршами, или кто они там тебе, но не мной. Сюда я больше не вернусь. Даже не думай о таком варианте.

Чернов молча смотрит на меня. Этого достаточно, чтобы в груди что-то больно и сильно защемило.

Я же его... С первого взгляда, с первого слова. А он...

Тянуть дальше не стоит. Воспользовавшись моментом, пытаюсь обойти мужа, но он хватает меня за руку.

– Я никогда бы не смог тебе изменить, – говорит тихо, прямо в шею, вызывая волну мурашек по позвоночнику. – Мира, ты самое лучшее, что у меня есть. Я бы никогда...

Это уже слишком. На такое вранье даже Мюнхгаузен не пошел был. Но слова попадают точно в цель, я срываюсь и отдергиваю руку.

– Да сколько можно меня мучить? Хватит! Я все видела! – толкаю его в плечо, но парень не шевелится даже. – Вашу переписку, отели, в которых вы бронировали номера, даты сходились с твоими отлучками. А барышня твоя, которая умела только кофе приносить? Да она же не отлипала от тебя. А сколько было ее ночных звонков? Ты отмазывался, ссылаясь на важные рабочие моменты. Никит, у нас с тобой разные понятия о самом лучшем человеке. И раз все это произошло, я для тебя такой никогда не была.

– Я докажу, что ничего этого не было. Докажу, – произносит он, все еще продолжая стоять на одном месте. – Просто дай мне время.

Господи, что он несет? Какое время?

– Докажи сейчас! – требую, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Давай же. Скажи, что тебя подставили злые люди.

Скажи же! Почему ты молчишь?

Ну вот зачем мы начали этот разговор?

Кому лучше сделали? Мне точно легче не стало. Все стало только хуже.

– Сейчас ты мне не поверишь, – выдыхает он с закрытыми глазами.

– Знаешь что? – вскидываю голову, смотря ему прямо в глаза. – Это не изменится. Я тебе больше никогда верить не буду.

Несколько долгих секунд мы смотрим друг на друга, а затем я делаю то, что должна была сделать с того момента, как увидела Никиту. Разворачиваюсь и ухожу.

– Ты уверена, что хочешь этого? – спрашивает Олег, когда в машине остается последняя сумка.

– Почему нет?

– Не знаю, – брат качает головой, закрывая багажник. – Мы все волнуемся за тебя. Ты сама не своя из-за этого уroda. Может, стоило еще немного пожить с родителями?

Оглядевшись по сторонам, вижу дом, в котором не жила никогда. Сразу после свадьбы я переехала к Никите, а в этой квартире сначала был ремонт, а потом сюда переехал и Олег, решив, что жить с родителями в его возрасте уже смешно.

– Это ты мне так намекаешь, что внезапным переездом я буду мешать тебе баб в квартиру водить? – улыбаясь, спрашиваю у него. – Не переживай. Я буду пропадать на работе,

а по выходным ходить в кино. Точно не помешаю твоим кобелиным сходкам.

– Я не про это, – не думая отмахивается Олег. – Не хочу больше видеть твоих слез. Не знаю, как смог сдержаться, чтобы не пойти и не разорвать на части козла.

– Ну, тогда я бы точно ревела. В суде. Слушая твой приговор.

Самое удивительное, что мы с Олегом сблизились после случившегося. Раньше наши отношения сложно было назвать родственными. Он вечно психовал, срывался, стоило только начать с ним разговаривать. Я и не лезла особо, считая, что брату, который старше меня на год, просто не хватало внимания. А сейчас он изменился. Переживает, заботится, психует, злится, конечно, но уже не на меня.

– Значит, ты в порядке?

– В полном, – искренне вру в ответ. – Сейчас разложу вещи и встречусь в кафе с Идой. Кстати, я пообещала маме, что мы приедем к ней в субботу на ужин. Не подставляй меня. Она будет ждать.

Пока Олег заносит все сумки в мою комнату, я снова вспоминаю Чернова. Все, что находилось в этой квартире, мы выбирали вместе. Никита помогал, подсказывал, приезжал и следил за ходом работы. Я всегда мечтала жить отдельно от родителей, и, когда у меня появились заветные квадратные метры, мне захотелось обустроить их так, как я хотела. Муж знал об этом, поэтому и поддерживал.

Сейчас мне было здесь неуютно.

Каждая деталь интерьера напоминала о нем.

Когда смотрела на кровать, краснели щеки. Когда глядела на подоконник, они начинали полыхать.

Зацепившись взглядом за пустую стену, неожиданно замираю. Там висела картина, на которой были изображены мы с Никитой, а сейчас ее там нет.

Подарок от свекрови.

Где он?

– Она у Чернова, – доносится до меня голос Олега. – Я с курьером отправил в его офис еще в тот день, когда ты вернулась домой.

– Зачем?

Я бы ее сняла, конечно, но...

– Мира, я его ненавижу. Всегда ненавидел. Слишком правильный, строит из себя самого умного, а на деле урод, который обманул мою сестру. Не хотел я видеть его рожу каждое утро. Да и тебе не надо на нее смотреть.

Само собой, брат имеет право злиться. Только сейчас он еще немного и обманывал. Олег восхищался Черновым. Он его боготворил. Всем своим друзьям рассказывая о том, с кем он породнился. Даже чтобы поздравить меня с днем рождения, он звонил Никите, и уже после просил передать трубку мне. Еще он хотел пойти по его стопам и открыть свой собственный ресторан.

Почему сейчас он изменил свое мнение?

– Ничего страшного. Наверное, оно и к лучшему. Можем на ее место купить другую и повесить. Олег, ты не оставишь меня? Хочу разложить вещи и немного отдохнуть.

– Конечно. Если что, я в другой комнате. – Брат выходит, но, взявшись за ручку двери, останавливается: – Мир, я рядом. Помни об этом. Хорошо?

– Да, – киваю в ответ, и мне вдруг становится легче, когда я остаюсь одна.

Ведь притворяться больше не перед кем. Можно снять маску беззаботного человека и взглянуть в лицо тоскливой реальности.

Никита врет. Он ничего не сможет доказать. А себе я запрещаю даже думать об этом.

Все кончено.

Черт.

Нехотя иду к кровати, когда слышу писк телефона. Я чуть вздрагиваю, когда вижу имя свекрови на дисплее. Короткое сообщение: «Дорогая, я хочу встретиться с тобой».

Чего она хочет?

6.

– Это ты так ради встречи со мной вырядилась? – я с ног до головы оглядываю подругу, не скрывая своего восхищения ее видом. – Знай, я это ценю.

– Ой, хватит подкалывать, – бурчит Ида, нанося на губы миллионный слой красной помады. – Девушка всегда должна хорошо выглядеть. Хочешь, я тебе блеск подарю? Мне как раз в магазине в подарок дали, но мне такие блеклые цвета не идут. Вот тебе в самый раз будет.

– Не хочу, – отказываюсь от протянутой яркой коробочки и, подозвав официанта, прошу принести мне мятный чай. Надо расслабиться. – Не люблю, когда губы липкие.

– Ну и ладно, – отмахивается она, возвращая косметику в сумку. – Так, если с официальным приветствием покончено, давай что-нибудь уже закажем. Я такая голодная, что готова съесть эту салфетку и запить ее водой из вазы.

И голодная Ида, любительница бумажных салфеток, заказывает себе фруктовый салат и яблочно-шпинатный смузи. Удивительно: когда я голодная, то мечтаю о шашлыке и хлебе, а тут...

– У меня шоколад есть, – вспоминаю о своем тайнике, не желая, чтобы подруга упала в голодный обморок, пока ждет свой заказ.

– Даже не вздумай мне его показывать, – фыркает она и,

облизывая губы, смотрит на мой рюкзак. – Я две недели в зале проторчала, чтобы влезть в эту юбку. Из-за твоих батончиков я в этот потный ад возвращаться не собираюсь.

Ида закатывает глаза, и мы обе знаем, что надолго ее не хватит. Через несколько дней в ход пойдут отмазки: колбасу придумали, чтобы ее есть. Красное вино – сам бог велел выпить. А эклеры – единственное в мире, что делает Иду по-настоящему счастливой. Я уже привыкла к этому, поэтому просто киваю.

– Как переезд? Олежа не возникал, что ты выгнала его из комнаты?

Игнатова прекрасно знает характер моего брата и в курсе всех его выходов.

– Все хорошо. Он сам предложил освободить комнату и отдать ее мне. Я не просила.

– Да неужели? – подруга заинтересованно смотрит на меня, начиная в ключья разрывать салфетку. – Где-то в мире сдох последний мамонт. Ты уверена, что под подушкой нет змей, а в матрасе песка? Я бы на твоём месте проверила, прежде чем ложиться спать.

– Он изменился, – вступаю за брата, сама удивляясь изменениям в нём. – Теперь такой заботливый. Мама нарадоваться не может. Только и говорит о том, что сын наконец-то повзрослел.

– Слабо верится. Считаю, что закомплексованные нытики, которые воют с сестрами за внимание родителей, не ме-

няются. Без обид, конечно, но, когда я вижу Олега, всегда радуюсь, что являюсь единственным ребенком в семье. Врагу не пожелаю иметь такого брата.

Вздыхаю, вспоминая, что и брат не в восторге от Иды. Они и не пытаются скрывать отношения к друг другу. Тот день, когда я сказала родителям о разводе, был единственным разом, когда эти двое не перекинулись парочкой едких слов. Если бы я так хорошо не знала их, то могла бы подумать, что из них получится идеальная пара. Но! Иде нравятся мужчины посolidнее, а судя по рассказам мамы, у брата недавно появилась новая девушка. Отсюда следует, что они просто друг друга ненавидят. К этому несложно привыкнуть.

– Кстати, не хотела по телефону говорить, но... Угадай, с кем я сегодня в торговом центре столкнулась? – наводит интригу подруга, энергично хлопая ресницами. – Ладно, угадайка сейчас не к месту. С твоей свекровью.

Не подготовленная к таким новостям, я давлюсь водой, пытаюсь прикрыть рот руками. Мокрый стол, упавшая на пол вилка, заинтересованные взгляды окружающих. Новость произвела фурор.

– Предупреждать надо. Надеюсь, ты ей ничего про меня не рассказывала?

Я уверена в своей подруге, но, когда дело касается мамы Никиты, от людей можно ожидать чего угодно.

– О чем именно я не должна была ей говорить? – голос

Иды меняется. – Слушай, ты же ее знаешь. От тети Регины невозможно ничего скрыть. Она до безумия хитрая, но такая лапочка. Люблю ее.

– Так! Что именно ты ей рассказала?

Свекровь и правда очень милая женщина. Жена военного. Она могла быть строгой и требовательной, но в то же время самой доброй и понимающей. А еще она умела разговорить людей. После десяти минут нашего знакомства она уже знала обо мне все. Я сама трещала не замолкая, а когда наконец-то замолчала, то услышала ее слова, обращенные к сыну: «Обидишь ее – я достану отцовский ремень».

За короткий срок нашей с Черновым семейной жизни Регина Борисовна стала мне не просто свекровью, она стала второй мамой. Мне было сложно после случившегося не отвечать на ее звонки, но по-другому я не могла. Уверена, она меня поняла.

– Пообещай, что злиться на меня не будешь. Поклянись.

– Игнатова, не тяни. Рассказывай!

– Буду считать, что ты пообещала, – продолжает раздражать меня подруга. – Короче, начали мы с того, что у меня идеальный маникюр и он ей очень понравился, а закончили тем, что ты собираешься идти в суд. Мирусь, я знаю, что это не мое дело и мне нельзя было и рта открывать, но тетя Регина так ловко умеет зубы заговаривать. Не знаю, как у нее это получается.

Иду винить нельзя. У Регины Борисовны и правда есть та-

кой талант. Кристина жаловалась всегда, что ничего не получается скрыть от матери. Как бы подруга ни пыталась, женщина была в курсе всего, что делала ее единственная дочь.

Факт того, что свекровь теперь знает о моих планах на развод, меня никак не расстроил. Хотя я и не планировала кричать об этом во всеуслышание, все равно ведь понимала, что рано или поздно все вскроется. Зато теперь стало понятно, зачем женщина захотела со мной встретиться. Ей надо убедиться, что Игнатова не обманула ее.

– Злишься на меня? – напоминает о себе Ида, пряча глаза. – Хочешь, в наказание я съем твой калорийный батончик? Ты точно улыбнешься, когда на мне юбка треснет.

– Ну, на это я бы с удовольствием посмотрела, – подтруниваю над подругой, и, чего скрывать, мне нравится испуг на ее лице. – Регина Борисовна написала мне сегодня. Хочет встретиться.

– Да что ты? Ого-о! А ты чего? – перебарщивает с удивлением подруга.

– Ты в курсе, да? Она тебе говорила?

– Тетка пыталась телефон отвернуть, но я видела, что она тебе пишет, – сдается Игнатова, уже спокойно доедая свой салат. – И что ты думаешь? Поедешь к ней?

– Скорее всего, – отвечаю я, сама удивляясь своему ответу. – Она всегда была добра ко мне. И она не отвечает за поступки своего сына.

Ида понимающе кивает головой.

– Хочешь, я с тобой поеду? Так соскучилась по ее пирожкам с яблоками.

– Ты на диете. Не забыла?

– Тетя Регина внушила мне, что в ее пирогах ноль калорий. А я ей верю, – парирует она в ответ, мечтательно вздыхая. – Так, тебе нужна поддержка или нет?

– Сама справлюсь. Спасибо.

Я, недолго думая, достаю свой телефон и быстро набираю сообщение: «Добрый день. Через два часа вам будет удобно?» Ответ приходит почти сразу, и когда я его вижу, то понимаю, насколько идеальна эта женщина. «Конечно, милая. Приезжай. Я одна».

7.

– Ты даже представить себе не можешь, как я рада тебе, дорогая, – искренне улыбается свекровь, разливая жасминовый чай по кружкам. – Знаю, я не тот человек, которого бы ты хотела видеть, но я очень по тебе соскучилась.

– И я тоже, Регина Борисовна, – улыбаюсь в ответ, делая глоток фирменного чая свекрови. – А еще вы именно та, с которой я всегда буду счастлива увидеться. Ничего не изменилось в этом плане. Правда.

– Спасибо, Мирочка. Именно этих слов я ждала от тебя. Как ты? – женщина осматривает меня с ног до головы. – Твоя подружка проболталась, что ты решила съехать от родителей. Если что-то нужно, ты всегда, в любое время можешь ко мне обратиться. Ты ведь знаешь об этом?

Картинка из прошлого всплывает перед глазами. Подобный день, тот же диван, на котором мы, развалившись, планируем мою свадьбу с Никитой. Регина Борисовна больше всех помогала мне с подготовкой. Именно ей я звонила, когда не могла выбрать из кучи предложений один-единственный идеальный дизайн торта. Она отпаивала меня ромашковым чаем, когда мы переживали, что не успеем уложиться в срок. Свекровь не вмешивалась в наши дела. Она просто была рядом и поддерживала. Если подружки смеялись, в шутку подкалывая, что я просто собственница, которая хочет по-

быстрее окольцевать Чернова, то Регина Борисовна стала моей опорой в те волнительные и сумасшедшие дни.

– Уже все сделано. Мама помогла собрать вещи, а Олег – перевезти их.

Женщина кивает.

– Очень хорошо, что они тебе помогли. Как там мама? Наверное, она удивилась, когда ты сообщила, что собираешься съехать?

– Если и удивилась, то вида не подала. Не первый раз ведь провожала, – пытаюсь выдавить смешок, но получается какой-то истеричный скулеж. – Все хорошо у них. А вот Ида жаловалась, что вы опять провернули с ней один из ваших приемов и заставили разболтать все, что она знает.

– Ой, сложнее куриное яйцо расколоть, чем вашу с Кристиной подружку. Мне и стараться не пришлось, чтобы она все выболтала. Надеюсь, ты ее не отчитала за это. Знаешь же, что она не со зла.

– Знаю, – киваю в ответ. – Кстати, она тоже хотела заскочить к вам в гости.

– Правильно сделала, что не взяла ее. Мне нравится эта вертихвостка, но сейчас я хотела встретиться лично с тобой.

Вот догадывалась же, что меня не просто на чай пригласили, но все равно напряглась.

– Регина Борисовна, если вы хотите сказать, что Никита...

– Подожди, Мира, – перебивает женщина, кладя руку на мое плечо. – Не горячись. Если ты думаешь, что я буду сей-

час отдуваться за своего сына, то ты ошибаешься. Он твой муж, и только он должен ползать перед тобой на коленях, держа доказательства в зубах.

– Тогда зачем вы позвали меня?

– Разве для этого мне нужен повод?

И перед тем как я собираюсь ответить, свекровь продолжает:

– Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Мира, ты мне как дочь. Поверь, мне больно знать, что тебя кто-то обидел. Мне больно смотреть на своего сына. Клянусь, если бы у меня была возможность оторвать языки тем, кто с вами так поступил, я бы не раздумывая побежала искать перчатки.

Не думая, я обнимаю женщину, носом утыкаясь в ее плечо, чувствуя, как она обнимает в ответ. Даже после всего, что произошло между мной и ее сыном, я продолжаю чувствовать ее поддержку. Интересно, как она будет относиться ко мне после развода?

– Спасибо вам. А Никита ведь не знает, что я здесь?

– Конечно нет. Как он не подпускает меня к своим делам, я так же не позволяю ему вмешиваться в мои. Ты можешь быть спокойна. Сын не нагрянет сюда.

И мне этот факт приносит облегчение.

– Как Кристина?

Когда вспоминаю веселую и беззаботную подругу, в горле появляется ком.

– Эта фурия забыла дорогу к матери, – прыскает она. –

Как ни позвоню, то трубку не берет, то спит, то на работе и ей нельзя отвлекаться.

– Она устроилась на работу?

– Представляешь? Мой избалованный ребенок теперь работает. Если бы Никита сам мне не сказал, что устроил сестру в компанию в качестве своей секретарши, то я бы не поверила.

Свекровь отстраняется и внимательно смотрит на меня.

Кристина всегда мечтала работать с братом, но Никита говорил, что пригласит ее только тогда, когда решит обанкротить компанию. Мне всегда нравилось наблюдать за их отношениями. Я завидовала, смотря на то, как брат заботится о сестре. Как поддерживает ее, но в то же время может и отчитать. Крис обожала брата, любила дразнить его и всегда считала его героем. Наверное, сейчас она меня ненавидит.

– Я рада за нее, – честно признаюсь. – Уверена, у нее все получится.

Регина Борисовна вспоминает про то, что в духовке стоит шарлотка, и почти бегом несется на кухню, оставляя меня допивать чай. Так странно находиться одной в этой комнате. Еще недавно здесь собиралась куча людей и от шума тряслись стены. Свекровь любит находиться в обществе, и, по рассказам Кристины, ее мама всегда с радостью встречала ее друзей. Судя по всему, сейчас это прекратилось. Когда смотрю на кресло, в котором всегда сидит Никита, в груди

больно колет.

Наше с ним место.

Черт.

– Мира, – слышу голос свекрови и оборачиваюсь. – Если ты не против, то я хочу попросить тебя остаться хотя бы одну ночь. Очень надеюсь, что у тебя нет никаких планов и мы сможем...

– Хорошо, – слова сами вырываются, прежде чем я начинаю думать. – Кристина не обидится, если я переночую в ее комнате?

Мама Никиты понимающе кивает.

– Это она пусть в своей квартире командует, а в моем доме только я решаю, кто и где будет спать.

Пока женщина возвращается к своим делам, я достаю телефон и набираю номер брата, чтобы предупредить его о том, что домой сегодня не вернусь.

– У Игнатовой своей останешься?

Брат радоваться должен, что у него появился свободный вечер, а он, судя по голосу, наоборот, переживать начал.

– Нет. Ида ускакала на свидание. Я у Регины Борисовны. Подышу свежим воздухом, поплаваю в бассейне. В общем, сегодня меня не жди.

– У кого? Мира, ты на солнце перегрелась, что ли? Ты что там делаешь?

– Чай пью, Олег. Все нормально, можешь не волноваться за меня.

– Хочу напомнить тебе, что ее сын...

– Не надо мне ничего напоминать, – ледяным тоном шиплю на брата, сильнее сжимая пальцами телефон. – Провалами в памяти не страдаю. Домой приеду завтра. Пока.

Сбрасываю вызов и, поставив мобильный на беззвучный режим, убираю его обратно в сумку. Если брат считает, что я головой не думаю, то он ошибается. Я все понимаю. Но, находясь здесь, – я чувствую спокойствие. Разве это не самое важное?

Следующий час мы с мамой Никиты проводим на кухне, сидя за кухонным столом, и я слушаю ее рассказ о том, как она познакомилась со своим мужем. Чтобы отогнать от себя ненужные воспоминания, решаю освежиться в бассейне, благо от моих вещей никто не избавился. Проходя мимо своей сумки, собираюсь на всякий случай захватить с собой телефон, зная, что Ида захочет поделиться впечатлениями от свидания. На экране высвечивается пятнадцать пропущенных от брата и несколько СМС. И когда я начинаю читать первое из них, входная дверь с диким грохотом открывается.

– Ты решила подать на развод? – ледяным голосом рычит Чернов, заставляя меня замереть на месте. – Говори, Мира! Это правда?

Он издевается, что ли?

Какого черта он так со мной разговаривает?

8.

Хочет злиться – пусть злится. Мне до его чувств нет никакого дела. Но я почему-то продолжаю разглядывать мужа с интересом, потому что в таком состоянии я его еще никогда не видела. Всегда сдержанный, спокойный, а сейчас... Возможно, мне стоило побежать к Регине Борисовне и спрятаться за ее спиной, чтобы у Чернова не было возможности вытащить меня на разговор. Но женщина обещала мне, что сына ее я не увижу, а он здесь. Если в семье Черновых предательство вместе с ДНК не передается по наследству, тогда нужно еще понять, кто меня сдал.

– Помолчи немного, – выставляю палец вперед, когда мой телефон снова оживает. – У меня здесь важный разговор намечается.

Глаза Чернова горят огнем. Плечи нервно поднимаются и опускаются. А руки... Без сомнений, он бы сейчас с легкостью измельчил титан в порошок, будь тот где-то поблизости.

Но, опять же, это все больше меня не касается, поэтому я отвечаю на телефонный звонок брата и отворачиваюсь от Чернова.

– Мира, беги отсюда. Прямо сейчас садись в машину и уезжай, – взволнованно кричит в трубку Олег. – Ты меня слушаешь?

– И почему я должна это сделать? – говорю ровно, стараюсь не обращать внимания на покалывания в области ключицы, куда, судя по всему, сейчас смотрит Никита.

– Чернов знает, что ты сейчас у его матери находишься. И про твои планы на развод он тоже в курсе.

– Откуда?

– Я не знаю... Он мне угрожал! Этот псих мне угрожал. Я собираюсь написать заявление, чтобы ему запретили приближаться ко мне и моей семье на расстояние не ближе чем...

– Олег, не делай глупостей, – шиплю в трубку. – Успокойся. Я тебе чуть позже перезвоню.

– Мира!

Без зазрения совести сбрасываю вызов, вспоминая, что брат – любитель извращать факты. Например, он отбирал у меня куклу, и, когда я возвращала ее себе, Олег бежал к маме и ревел, рассказывая о том, как я била его по голове, выдирая из нее волосы.

А что, если сейчас он говорит правду?

Собрав всю волю в кулак, разворачиваюсь к Никите и смотрю ему прямо в глаза:

– Ты угрожал Олегу?

Брови Чернова вопросительно выгибаются.

– А ты собралась идти в суд? – летит в мою сторону встречный вопрос, а сам Никита начинает двигаться ко мне.

– Чего ты ждал, Чернов? Я ушла от тебя. Все. Конечно,

теперь я хочу развестись. И это неудивительно в сложившейся ситуации.

– Меня это не только удивляет, но и раздражает. Так сложно поверить мне?

– Сложно! Невозможно!

Все-таки хорошо, что я не сбежала, как только увидела его. Мне незачем скрываться и прятаться.

– Зачем ты пришел? – неожиданно срываюсь я, когда он подходит ближе. – Что тебе теперь надо от меня?

– Разве я не могу просто так встретиться со своей женой?

– Чернов, ты издеваешься? Какой женой? Я с тобой развожусь. Развожусь.

Улыбка мужа одновременно раздражала и... пугала.

– Думаешь, я тебя отпущу? Серьезно? Ты такая наивная, Мира. Ты – моя, и это не изменится.

– Я это изменю.

– Слушай меня внимательно: никакого развода не будет. Забудь. Выкинь из головы всю чушь, которую тебе наговорили, и возвращайся домой, пока не поздно.

– Не то что?

– Лучше тебе этого не знать, родная.

Интересно, если мы так и продолжим буравить друг друга взглядом, искры в разные стороны полетят? Что он собрался сделать? На цепь меня посадить? Закрыть в подвале этого дома? Что? О каком доверии может идти речь, если пару

дней назад его застукали в ресторане со все той же секретаршей? Он издевается надо мной?

– Так, а что происходит? – слышу голос Регины Борисовны за спиной, но не оборачиваюсь. – Никита, ты что здесь делаешь?

– В гости приехал, – бросает мужчина, не смотря на мать.

– Заранее предупреждать надо. Разве я к вам вот так врываюсь? – деловито заявляет женщина. – Мира, ты как?

– Все нормально.

– Мам, мы разговариваем.

Усмехаюсь, продолжая смотреть на Чернова. Серьезно? В его понимании – это разговор?

– А со стороны так не кажется, – соглашается с моими мыслями свекровь, за что получает еще одну придуманную и невидимую статуэтку «Лучшей женщины на планете». – Сын, я попрошу тебя уйти. Я обещала Мире, что ее здесь никто беспокоить не будет.

Вот обожаю я Регину Борисовну. Всегда выполняет свои обещания. Даже если ради этого ей придется выгнать родного сына из собственного дома.

– Ма, ты себя слышишь? Она собралась со мной развестись! По-твоему, я должен просто стоять и наблюдать за этим?

Вместо того чтобы уйти и не слушать всего этого, я начинаю злиться:

– Просто стоять не должен. Можешь вместо этого еще

раз сводить секретаршу в ресторан. Отличная идея. Правда? Чернов, и ты еще имеешь наглость удивляться разводу?

Зря сказала. Надо было промолчать. Нельзя давать Никите повод думать, что я слежу за ним. Но, с другой стороны, что в этом такого? Пусть не надеется еще раз выставить меня наивной душой.

– Имею, – твердо заявляет он. – Кто-то пытается меня подставить, а я не собираюсь со стороны наблюдать за этим.

– Месяц ты именно этим и занимался, – говорю я и тут же прикусываю язык. – Смотрел со стороны.

– Я все это время пытался пробиться к тебе. Если бы ты каждый раз не посылала меня через своих доверенных лиц, то сейчас бы не несла чушь.

На секунду меня парализует, и я не понимаю, о чем он говорит.

– Так, дети, я не хочу влезать в вашу семью, но считаю, что нам всем надо успокоиться, – Регина Борисовна втискивается между нами и, взяв меня за руку, отводит в сторону. – Никита, сходи на кухню и принеси чай. Поднос стоит на столе. Не ошибешься.

– Мы не закончили, – грозит он и все-таки уходит.

Я сажусь в кресло, стараясь осмыслить услышанное. О каких моих посыльных шла речь? Чернов ни разу не приезжал в дом моих родителей. Зачем он обманывает сейчас?

– Дорогая, – свекровь садится рядом и берет меня за руку. – Не подумай, что я давлю на тебя, но я считаю, что вам

стоит поговорить.

– Никита обманывает, – выдавливаю из себя. – Он не при-
езжал к нам домой. Я это точно знаю.

– Ты в этом уверена?

От ее вопроса я впадаю в ступор.

9.

– Да. Да, конечно, я в этом уверена, – собравшись с мыслями, встаю с дивана. – Мама бы не стала скрывать это от меня.

Регина Борисовна пожимает плечами и встает вслед за мной.

– Если ты немного подождешь, то я поговорю с сыном и попрошу его уехать. Я прекрасно понимаю твое состояние, дорогая, и мне не хочется, чтобы ты делала то, к чему пока не готова.

Погладив меня по плечу, она собирается развернуться, но я останавливаю ее.

– Будет лучше, если я вернусь домой, – уверенно заявляю я, точно зная, что это единственно верный вариант. – К вам приеду в следующий раз. Хорошо?

В комнате уже витает запах парфюма Никиты. Этого достаточно, чтобы весь остаток вечера я думала только о нем.

– Как только будешь дома, сообщи мне, – тяжело вздыхая, соглашается женщина. – Мирочка, не забывай, что ты всегда будешь частью моей семьи. Что бы ни случилось, это никогда не изменится.

Собираюсь прижаться к ней, но в этот момент со стороны кухни доносится звон разбитых чашек, который подталкивает меня схватить сумку и рвануть в сторону двери.

Хорошо, что Чернов не заблокировал мою машину, а то пришлось бы с опущенной головой возвращаться в дом, и тогда у меня точно бы пропал шанс избежать общения с ним. Это не трусливый побег. Это способ окончательно не убить свою нервную систему. А так прыгнула в машину, пристегнулась и только решила нажать педаль газа, как пассажирская дверь открылась.

– Далеко собралась? – с усмешкой спрашивает Чернов, пристегиваясь.

– Далеко, – рычу в ответ. – Никита, выйди из моей машины.

Чего он добивается? Чтобы я в дом вернулась? Так не хочется уже. Домой хочу, подальше от этих страстей. Разборки – это не мое. Я их всегда избегаю. Так же как и бесполезных разговоров на повышенных тонах.

– Подкинь до города, – заявляет он и, будто не замечая моих дрожащих пальцев, включает радио. Все происходящее напоминает о прошлом. Подарив мне эту машину, он сел рядом и сказал эту же фразу. Потом пристегнулся, перекрестился и посоветовал не обращать на него никакого внимания, а полностью сосредоточиться на дороге. Тогда я жутко нервничала. Не хотелось, чтобы Никита каждый раз волновался, когда я за рулем. Сейчас же мне было абсолютно все равно на его волнение. Хочет в город – он доедет.

– До города смогу, а дальше пешком придется. У меня дела.

Разговаривать с ним в таком тоне было чем-то новым для меня. Обычно в моем голосе было столько меда, что его было можно с легкостью намазать на хлеб. Мне хотелось нежно-стей. Нравилось чувствовать себя самой любимой и желанной. Может, это и было проблемой? Говорят же, что мужики любят стерв. Я такой никогда не была и вряд ли уже буду. Совершенно другой характер.

– И ты вот так просто сможешь бросить меня непонятно где? – интересуется Чернов, переключая на себя внимание.

– Почему нет? – пожимаю плечами, выкручивая руль. – С радостью это сделаю.

Оказывается, еще не все потеряно. По крайней мере, я умею кусаться.

Я не любитель быстрой езды, но сейчас на дороге было пусто, и еще у меня было огромное желание как можно скорее избавиться от общества будущего бывшего мужа.

– Тебе необязательно было уезжать. Теперь я для матери – враг номер один. – Чернов вертится, осматривая каждый сантиметр машины.

– Ты сам виноват. Незачем было приезжать. Должен был догадаться, что я не захочу с тобой разговаривать.

– Сейчас же разговариваешь.

Одним движением он вытаскивает из моей сумки телефон и начинает в нем копать.

Черт.

Надо было пароль сменить.

– Сейчас у меня нет выбора. Чернов, отдай мой телефон.

Ты не имеешь права копаться в нем, и...

– Я не копаюсь. Убираю себя из черного списка, – говорит он. – Теперь понятно, почему я не мог до тебя дозвониться, даже звоня с других номеров.

– Откуда у тебя, вообще, мой новый номер?

Хотя несложно и догадаться. Обычно Чернов всегда добивается того, чего он очень хочет. Узнать номер жены – такая мелочь для него.

– Ты думала, я его не узнаю? – усмехается Никита. – Сама меня в блок отправила или кто помог?

От наступившей тишины становится холодно. На самом деле этот телефон мне подарила мама на следующий день после того, как я, зареванная, вернулась в родительский дом. Ей нужно было идти на работу, и, чтобы всегда быть на связи со мной, она наведальась в салон. Хоть и прошел месяц, это не значит, что у меня короткая память. Чернова я точно не отправляла в черный список.

– Сама! – упрямо вру, крепче сжимая руль. Если это сделала мама, то у нее был повод для этого. Винить ее за это я точно не буду. – Ты зря стараешься. Не успеешь из машины выйти, как опять вернешься в блок.

Чернов в ответ лишь только хмыкает.

– Что там с твоей работой? – продолжает болтать муж. – Ты же в курсе, что тебе не надо этого делать? Все мое так

же и...

– Не мое, – обрываю его. – И никогда моим не было. Чернов, хватит. Я не собираюсь разговаривать с тобой о работе или о чем-то другом. И вообще, ты должен знать, что нельзя злить человека, от которого в данный момент зависит твоя жизнь.

Кажется, Никите плевать, на какой скорости мы едем.

– Родная, я слишком хорошо знаю тебя. И понимаю, что сейчас ты точно не злишься. Запуталась в себе?

Эмпатом себя возомнил? И он, как назло, абсолютно прав. То, что сейчас творилось в моей душе, определенно не злость. Смесь диких эмоций, но я не могу понять, каких именно.

Поскорее бы избавиться от него, чтобы успокоиться и привести себя в нормальное состояние спокойствия. Если у меня получится, конечно.

– Что у вас с Олегом произошло? – интересуюсь я в надежде узнать, как так получилось, что мой брат разболтал о разводе.

Боковым зрением вижу, как сжались в кулак пальцы Чернова.

– Хочешь выяснить, как я о твоих предстоящих планах узнал? Все просто: твой брат сам мне позвонил. У него были другие намерения, но совладать со своим длинным языком он не смог.

– Что?

Резко выжимаю тормоз и секунду радуюсь, что не забыла пристегнуться.

– Мира, ты что творишь? – резко срывается Чернов. – Убить себя решила? А если бы...

– Зачем Олегу надо было тебе звонить?

– Тебя это удивляет? – все тем же ледяным тоном говорит Чернов, отстегивая сначала свой, а затем и мой ремень. – Пересаживаемся. Не хочу, чтобы ты закончила, как Шумахер.

Упрямо не двигаюсь с места.

Кем он себя возомнил?

Это моя машина.

А он, между прочим, так и не ответил на мой вопрос.

Вот пока не ответит, меня даже бульдозер не сдвинет.

– Мира, я ведь и перенести тебя смогу. Помнишь, как это раньше было? Ты любила, когда я...

Ладно, блин.

Победил.

Громко хлопаю дверью, обходя машину. Чернов же просто, не выходя, пересаживается на мое место.

– А вот сейчас ты точно злишься, – доносится до меня голос мужа. – Я угадал?

Точно. Меня просто разрывает на части. И больше всего меня злят дела, которые творятся за моей спиной.

Что происходит?

10.

Встречаться с Игнатовой после всего, что со мной произошло вчера, было одной из моих самых глупых затей. Во-первых, мне требовалось поговорить с братом, которого я так и не застала, вернувшись домой. А он, к моему глубокому огорчению, по просьбе папы уехал домой, чтобы помогать тому разбирать накопившейся хлам в гараже. Если бы я своими глазами этот гараж не видела, а ушами не слышала, как отец несколько недель собирался до него добраться, то решила бы, что Олег просто сбежал. Во-вторых... Нет никаких вторых. Сдуру я рассказала подруге о своем муже-попутчике, и теперь мне придется в подробностях расписывать детали нашей с ним короткой поездки.

Разговаривать о Никите даже хуже, чем думать о нем. Поэтому я и пыталась перенести встречу с Идой, но, если Игнатова завелась, ее никакой столб не остановит.

И еще мне не давало покоя то, что я начинаю сомневаться в поступках своих родных. Конечно, я понимаю, что все хотят меня защитить и предостеречь от возможных ошибок. Но сам факт того, что они делают это за моей спиной, жутко напрягал.

Была бы возможность, я бы собрала всех в одном месте и потребовала бы объяснений, но кто расскажет правду?

– А я всегда говорила, что твой Олежек с гнильцой, – фыр-

кает Ида, демонстративно сморщив нос. – Не удивлюсь, если у него под подушкой есть кукла вуду с такими же голубыми глазами, как и у тебя. Он же вечно делал тебе пакости, а тут вдруг стал примерным братом. Странно все это.

– Нормальный он. Да и мы переросли уже тот возраст, когда дрались, ругались, а потом он бежал жаловаться родителям. Просто я не понимаю, зачем ему надо было звонить Чернову.

– Ну, знаешь... Твой муженек – козел, конечно, но грех ему не позвонить. Не будь ты моей подругой, то я...

Знаю я, что она бы сделала. Там для всех парней одна схема, которую мы с Кристиной слушали тысячу раз.

– Ида!

– Да шучу я, – допивая капучино, Игнатова томно вздыхает. – Надо же хоть как-то тебя расшевелить. Может, по коктейльчику?

– В десять утра? Не рановато?

– У меня последний выходной, хочу выжать из него все, что только в моих силах. Да и тебе расслабиться не помешает. Уверена, после встречи с Черновым ты всю ночь не спала.

– Ошибаешься, – бурчу в ответ, переключая все свое внимание на черничный латте.

Как так получилось, что все вокруг знают меня лучше, чем я сама себя знаю? Взять ту же Иду. Подруге стоит только посмотреть на меня, чтобы понять, о чем я думаю. Она и сейчас права. Конечно, я не спала всю ночь. Да и как уснуть

с кашей в голове? Несколько раз пробовала, и ничего не получилось. Меня оправдывает только то, что в мыслях был не один Чернов. Там была вся моя жизнь.

– А что он насчет развода сказал? – продолжает допытываться Ида, будто по телефону я ей ничего не рассказывала. Что изменится, если я еще раз ей все расскажу? Я только злее стану. Ведь опять получается, что от меня ничего не зависит.

Но если я начну срывать на близких людях, то в конечном счете останусь одна.

– Просил тебе передать, что даже при разводе ты мой костюм никогда не получишь.

– Очень смешно, Мира. Прямо обхохочешься. Я тут за судьбу подруги переживаю, а она...

А ей почему-то больше не хочется, чтобы за ее судьбу переживали.

Сколько можно?

После съеденного чизкейка и часа разговора я все-таки прощаюсь с Игнатовой, подбросив подругу до ее дома. Хорошо, что у меня получилось вывести ее из кафе. После темы моего развода мы резко переключились на обсуждение неудачного свидания подруги. Судя по ее злым комментариям, мы бы и к ночи не закончили обсуждать хамоватого байкера, от которого Ида с трудом сбежала. В какой-то момент мне и правда показалось, что поступок Чернова – это мелкий пустяк по сравнению с тем, что каждый день происходит в

жизни Игнатовой. Вот там драма никогда не заканчивается.

Уже сидя в машине, веселая Ида, которая все-таки добра-лась до винной карты, сказала, что в понедельник меня ждут на собеседование. Это уже хорошо! В моей жизни начинают-ся хоть какие-то изменения в лучшую сторону. Осталось по-дождать три дня, и эти изменения вступят в законную силу.

А сразу после я займусь другим важным делом.

Посреди дороги вдруг понимаю, что свернула не там, где должна была. Притормозив на перекрестке, разворачиваюсь, а потом все-таки паркуюсь на свободном месте. Еще месяц назад я шла по этой улице в сторону дома и даже не догады-валась, что совсем скоро это место станет мне чужим.

Хочется в который раз прикусить губу и зануть, но вместо этого я хватаю сумку и выхожу из машины.

Если я здесь больше не живу, это не значит, что я должна объезжать стороной эту улицу. Тем более тут не только Чер-нов живет. Еще Кристина в соседнем доме.

Кажется, мне нельзя оставаться наедине с собой. Может быть, поэтому я никогда и не была одна? Всегда рядом был кто-то. Родители, подруги, знакомые, Никита.

Одна – никогда.

Заходя в продуктовый магазин, улыбаюсь, когда на входе меня узнает охранник и, как обычно, кивает в знак привет-ствия.

Хоть что-то в этой жизни не меняется.

Набрав полную корзину продуктов, зная, что холодиль-

ник, кроме меня, никто не наполнит, двигаюсь в сторону кассы, когда боковым зрением вижу знакомый силуэт.

В груди что-то взрывается, когда Кристина разворачивается ко мне лицом и начинает медленно опускать в корзину ее любимое печенье.

Улыбка сначала появляется на ее лице, а затем меркнет, в глазах же читается недоумение.

11.

В груди что-то давит, когда я смотрю на подругу, которую не видела больше месяца. Все та же Кристина Чернова – эффектная блондинка с розовыми прядями волос около лица. Как обычно, выглядит на все двести процентов. В нос ударяет приятный запах ее духов. Вроде за месяц не изменилось ничего, ну, кроме того, что сейчас мне некомфортно находиться рядом с ней. С одной стороны, хочется ее обнять, а с другой, боюсь, что меня на подходе уже взглядом заморозят.

Может, уйти? Мы не общались последнее время. Нам и сейчас необязательно даже кивать друг другу в знак приветствия. Мы можем сделать вид, что незнакомы, и разойтись по разным сторонам. Подумаешь, столкнулись в магазине. Уверена, еще не раз пересечемся, живя в одном городе.

– Привет, – осторожно говорю я, когда молчание слишком затянулось.

В конце концов, я с ней не конфликтовала. Мы не ругались. Крис просто встала на сторону брата, считая, что он неспособен на измену, а я же твердила об обратном, жалея, что позволила Игнатовой разбить телефон, где были все доказательства похода налево.

– Привет? – удивленно переспрашивает Кристина. – Чернова, у меня сейчас два желания: придушить тебя или же кинуться обниматься. Вот не знаю, с чего начать?

– Душить меня точно не стоит, – настороженно отвечаю я.

Понятное дело, что никто бы не стал меня калечить. То есть по этому поводу мне не стоит переживать. Только вот я все равно не понимала подругу.

Хочу улыбнуться, но не получается.

– Вы с Никитой поговорили? Ты вернулась? Скажи, что вы во всем разобрались. Или просто кивни. Я до чертиков соскучилась, и вся эта ситуация...

– Я не вернулась, – перебиваю ее, пожимая плечами. – Но тоже соскучилась по тебе.

Обычно, когда Крис напряжена, то у нее трясется правая нога. Опустив взгляд, я видела, как она чуть ли не прыгает на одном месте.

– Вы не помирились?

– Нет.

Зажмурившись, Кристина прикусывает нижнюю губу.

– Знаешь, кто ты, Мира? Ты полная дура. Надо было не слушать брата и сразу все тебе высказать. Пока он там за твою душу трясется, ты ведешь себя как идиотка, не замечая ничего вокруг. Что? Легче тебе так живется с закрытыми глазами?

Все, что я могу сделать, – это открыть и закрыть рот. На большее просто неспособна. Мы столько лет с ней дружим, и это первый раз, когда она разговаривала со мной в таком тоне.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Конечно, ты не понимаешь! – выкрикивает она, отталкивая от себя тележку. – Потому что так проще! Нет необходимости включать мозг и начинать думать. Ты в курсе, что брат с ума сходит без тебя? Никита в лепешку расшибается, чтобы...

Чтобы в лепешку не расшибаться, не стоило было впускать в нашу жизнь другую женщину.

– Крис, тебе не кажется, что это, мягко говоря, не твое дело? – шиплю на нее, оглядываюсь по сторонам.

Конечно же, все глазают на нас.

– Нет, не кажется. Надоело со стороны на это все смотреть! Если и я ничего не расскажу, то неизвестно, когда эта фигня закончится. Знаешь, кто тебе напisyвал и фотки сбрасывал?

Ох, мы опять вернулись к прежней теме?

– Ага. Знаю.

– Да ничего ты не знаешь! – психует она. – Но я расскажу: твой брат. Удивлена, да? Не веришь? Ну конечно. Ведь, по-твоему, мой брат может быть козлом, а твой таким быть не может. Ты же так думаешь?

Кристина хочет продолжить, делая шаг в мою сторону, но у нее не получается ничего сказать, потому что в этот момент к нам подлетает все тот же охранник и просит выйти из магазина.

Бросив все, Крис срывается с места и идет в сторону вы-

хода, а я вот пошевелиться не могу.

– Девушка, вы в порядке? – интересуется охранник, не отходя от меня. – Вы можете остаться и продолжить делать покупки. К вам нет никаких претензий.

Что?

О чем он?

Я перестала его слышать, как только он заговорил.

– Спасибо. Я сейчас, – отдаю ему корзинку и бреду к выходу, замечая, как подруга садится в машину. – Крис, стой!

Если она думала, что может просто завалить меня информацией, а потом уехать, то она очень ошибается. Это не разговор, когда кричат и сразу уходят.

– Чего? Хочешь меня на детекторе лжи проверить?

– При чем здесь Олег?

– При том, что это его рук дело. Я не знаю, что в его голове творится, но это он Никиту подставил.

Да это бред какой-то. Зачем ему добиваться моего развода? Чтобы просто сделать гадость? Даже для брата – это перебор.

Он не мог.

– Ты не веришь, – говорит девушка. – Знаешь, в этой ситуации вы с Никитосом страдаете оба. Но за него мне все равно обиднее, чем за тебя. Он борется, пытается брата твоего за уши притянуть, чтобы ты не сказала, что он просто так обвиняет человека, а ты... Мира, избавься уже от розовых очков. Seriously. Жалеть ведь будешь.

Не знаю, сколько я проторчала на этой парковке, когда Кристина сорвалась и уехала. Пришла в себя только тогда, когда проезжающая мимо машина остановилась напротив и водитель в грубой форме попросил уйти с проезжей части.

Я чуть не падаю. У моего брата были проблемы со мной, но к Чернову он хорошо относился. Понять не могу, зачем ему подставлять Никиту?

Сначала я хотела поехать домой и уже в спокойной обстановке обдумать все, о чем мне рассказала Кристина. Но прошло уже столько времени, что сидеть дома и гадать – будет глупо.

– Мам, привет, – начинаю, как только мама отвечает на мой звонок. – Олег еще дома?

– Нет. Он гараж разобрал и сказал, что в кафе пойдет. А что случилось? Тебе помощь какая-то нужна? Я сейчас отца к тебе отправлю, и он все сделает. Или моя помощь нужна? Я приеду. Сейчас соберусь и...

– Не надо. У меня все нормально. Олег не говорил, в какое кафе пойдет?

– Кажется, нет. – И с заминкой продолжает: – В «Ильинку», наверное. Олежа любит там бывать. Доча, что с тобой? Вы опять поругались? Олежа нервный со вчерашнего вечера. Я подумала, с девушкой проблемы. Но, если вы опять начали...

Опять начали что?

Вот что?

Драться за конфету?

Делить диванную подушку?

Если бы мама сейчас узнала, в чем Крис обвинила брата, то она бы не поверила.

Возможно, мне стоит ей об этом рассказать. Конечно, она должна знать. Но мне не хотелось впутывать ее. Мне вообще никому не хотелось говорить об этом. Только с братом. Все происходящее сейчас касалось только меня и его.

– Мам, не переживай. Я сегодня заеду к вам, – отвлекаюсь я, надеясь, что и мама волноваться не будет. – Хорошо?

– Конечно, доченька. Что за вопросы? Мы всегда тебя ждем. Так, мне узнать у Олега, где он находится?

– Не-е, не надо. Я сама его найду.

И ведь точно найду.

Странно, но сейчас мне вдруг захотелось поверить в то, что Чернов мне не изменял.

Права была Кристина – я полная дура.

12.

– Мира, ты нормальная вообще? Что за вопросы?

– Олег, слушай, я не хочу обвинять тебя в чем-то, поэтому ответь честно: у тебя есть какие-то проблемы с Черновым?

– Нет, ты и правда ненормальная, – ощетинивается брат, бросая вилку на стол. – Может, тебе с матерью поговорить надо? Ты реально с ума начала сходить.

– Олег, можешь просто ответить на мой вопрос?

Брат тянется за вилкой, берет в руки, а потом опять кидает ее в сторону.

– Если бы вопрос не был идиотским, то я бы на него сразу ответил. А так... Мира, ты головой подумай. Единственное, что меня связывает с Черновым, – это то, что моя сестра вышла за него замуж. Моя с ним проблема в том, что он изменил моей сестре. Что ты еще хочешь услышать, я понять не могу?

– Хочу услышать, что ты не имеешь никакого отношения к сообщениям, которые мне присылали.

– Что? Ты думаешь, что я... Я отправлял? Жесть!

– Я так не думаю. Но...

– Что «но»? Вот что? Знаешь, что мне кажется? Ты сейчас любого готова обвинить во всех смертных грехах, чтобы появился повод обелить Чернова. Так же получается? Побегала немного, решила простить, но повод нужен? И ты решила

меня уродом выставить?

Жмурюсь, мотая головой.

– Я никого не прощала. И еще я не выставляю тебя уродом. Успокойся немного. Мы можем просто поговорить, не привлекая к себе внимания? Зачем ты рассказал Никите о разводе?

– А ты собиралась до конца дней своих держать эту новость в секрете?

– Нет. Но и ты не должен был лезть.

– Прости, влез. Каяться не буду. Убьешь теперь меня за это?

Нет, конечно. Увидев брата, я почему-то думала, что у нас получится нормально поговорить. Ведь я не давила. Не грубила и не пыталась. Я просто задала вопрос, который меня волновал, и надеялась услышать честный ответ. Разве не так строится разговор двух взрослых людей? Один спрашивает, другой отвечает.

Смотря на брата, я начинала чувствовать себя виноватой. Может быть, не стоило вообще поднимать эту тему? Не верить словам Кристины, забыть их. И не думать о том, что за всю многолетнюю дружбу Крис никогда не врала мне.

Но ее не было со мной рядом все это время, а Олег был. Это же что-то значит? Если бы он был тем человеком, который захотел мне навредить, стал бы он потом меня успокаивать и пытаться вернуть к прежней жизни? Какой в этом смысл? Есть ли он вообще?

– Ты помогал маме настраивать мой телефон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.